

Вегетарианство как природоохранная концепция

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник,

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua

Опубликованная в этом номере журнала статья о религиозных истоках вегетарианства навела меня на некоторые размышления, коими я и хочу поделиться с читателями.

Прежде всего, должен сказать, что я ничего не имею против вегетарианства как личного выбора – по физиологическим, религиозным, этическим или иным причинам. Точно так же как и возможности выбора веры, традиций, места жительства и т. д. и т. п. Все это элементы свободы человека. Однако когда речь заходит о философском или теологическом обосновании вегетарианства, тем более в приложении к охране природы, – извините, давайте разберемся. В упомянутом аспекте все гораздо сложнее, чем это представляется теоретикам “гуманного” питания. Тем более что их аргументация нередко отдает убожеством и банальным невежеством.

Обычный аргумент, который можно услышать, – не человек дал жизнь животным, поэтому и не имеет права ее отнимать. Однако безукоризненно он звучит разве что в дискуссии об отмене смертной казни. Здесь все не выходит за пределы человеческого общества. С природой же в целом гораздо сложнее. Если мы признаем, что она создана Богом, то нам никуда не деться от того, что им созданы не только живые существа, но и отношения между ними. В том числе такие, в ходе которых одни организмы поедают других. Почему это так – вопросы к Творцу. В этой ситуации можно было бы использовать нехитрый прием, при помощи которого христианские священники отделяются от надоедающих вопросов прихожан: “Неисповедимы пути Господни”. Однако в данном случае понять Его замысел не так уж сложно – иначе живая природа просто не сможет существовать. Она

ведь не просто набор видов, это сложная система, а в системе важную роль играют не только компоненты, но и отношения между ними. Многообразие экологических отношений как раз и обеспечивает стабильность и развитие природы. Оно является одной из составных частей биоразнообразия. Жизнь невозможна без смерти, и в масштабе биосферы ее никак нельзя называть злом. Таковой она является лишь с точки зрения индивидуума (Грищенко, 2001). Как писал Л.Н. Гумилев (2001), “*Мы ходим по трупам наших предков; мы дышим жизнью тех, кто давным-давно умер, и мы сами войдем в эту стихию, чтобы нами дышали наши потомки*”.

Второй закон экологии по Барри Коммонеру (1974) гласит: “*Все должно куда-то деваться*”. Речь идет не только об отходах жизнедеятельности. На любое органическое вещество, синтезируемое живыми организмами, в природе есть фермент, способный его расщеплять. То есть самим Творцом жизни в ее основы заложен принцип “все живое заслуживает гибели”, механизм обновления и взаимосвязи. Благодаря ему живая природа и достигла того богатства и разнообразия, которое мы видим сейчас.

Другой распространенный аргумент – перечень выдающихся людей, которые были вегетарианцами: Платон, Сенека, Вольтер, Байрон, Толстой и т. д. (см., например, Гаташ, 2002). Однако этот список можно и продолжить. Вегетарианцем был, например, Гитлер. Кому-нибудь от этого стало легче? С тем же успехом можно составить перечень знаменитых сторонников однополрой любви или поклонников “зеленого змия” и рассуждать о преимуществах гомосексуализма или пьянства. Все это не более чем нехитрая рекламная уловка.

Давайте проведем мысленный эксперимент. Представим, что человечество вяло доводам апологетов вегетарианства и перешло полностью на растительную пищу. Что будет дальше?

Прежде всего, это означает резкое уменьшение разнообразия источников питания для человечества и увеличение нагрузки на природные экосистемы. Поскольку белковая пища необходима, для ее выращивания придется увеличить площадь возделываемых земель. Далеко не все участки, используемые под пастбища, годятся для пашни. Часть из них можно довести до “кондиции”, но для этого придется организовать полив или провести осушение, вбросить в землю огромное количество удобрений и пестицидов. А это не здраво ни для почвы, ни для человека. Например, влажный луг можно использовать как пастбище или сенокос, но для выращивания сельскохозяйственных культур его придется осушить. К тому же, ограниченный выпас не ведет к таким коренным преобразованиям экосистем, как распашка. Не зря процент распаханности используется как один из показателей преобразованности природы. Сторонники широкого распространения генетически модифицированных растений получают на руки все козыри, сопротивляться этому будет уже невозможно. Боюсь, что с торжеством “любителей” животных остатки сохранившихся участков дикой природы пойдут прахом, и животным просто негде будет жить, как бы их ни любили и не оберегали от мучений. Общество неминуемо пойдет по пути все большего преобразования и окультуривания природы. Такой вот парадокс любви. Благими намерениями, как известно, выстлан путь в одно не очень хорошее место. К этой многовековой мудрости человечества стоит прислушаться.

Однако пойдём дальше. Что будет с огромным количеством сельскохозяйственных животных? Они станут никому не нужны и будут обречены. Не обязательно истреблять какой-либо вид с ружьем в руках, можно просто лишить его возможностей к

существованию. И это называется гуманным и этичным подходом? Давайте не будем забывать А. де Сент-Экзюпери: “*Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил*”. Кто-то может предложить “гуманно” выпустить животных на свободу. Но большинство из них просто не сможет выжить. Человек отбирал себе питомцев по совершенно другим критериям, чем это делает естественный отбор в природе. Домашние куры и утки, например, совсем разучились летать. Древний инстинкт подсказывает им, как может выглядеть хищник и как следует от него спастись, но сделать они это уже не в состоянии. Один ястреб может перетаскать всех кур у нерадивой хозяйки. Те же животные, которые сумеют выжить и приспособиться, принесут неисчислимые беды дикой природе. Тут можно вспомнить многое – и бродячих собак на родных просторах, и кроликов в Австралии, и коз на морских островах. Наконец, есть еще один вариант: никого не “освобождать”, а содержать сельскохозяйственных животных и дальше. Однако, он даже более абсурден, чем предыдущий. Дай бог, чтобы вегетарианское человечество смогло прокормить себя, где уж думать о неисчислимой армаде нахлебников. Да и как ограничивать их численность, если нельзя никого трогать? Д. Андреев (1997) предлагает ввести “квотирование на размножение отдельных видов”. Интересно, как при этом обойтись без насилия, боли, страданий?

С исчезновением скота не станет и главного источника органического удобрения для полей. Можно будет использовать компост, сапропель и т. д., но полностью навоз они не заменят. А площадь полей, повторяю, значительно вырастет. Значит, будем еще больше отравлять все живое минеральными удобрениями, все больше заменять естественное искусственным.

Как быть северным народам, которые живут почти исключительно охотой и рыболовством? Картошка в тундре не растет. Или им придется есть ягель, как оленям? Добывать вместо рыбы и тюленей водоросли? Может быть, южане возьмут на себя

трогательную заботу о жителях севера? Но это означает еще большую нагрузку на экосистемы там, где можно хоть что-нибудь выращивать.

Особенно важны животные белки детям. Даже растительноядные птицы выкармливают своих птенцов насекомыми. Смогут ли искусственные смеси и заменители молока заменить естественные продукты? А ведь нехватка белков в первые годы жизни может привести к тяжелым болезням и умственной неполноценности. Вперед к деградации человечества?

Как видим, широкое распространение вегетарианства приведет к очень даже “аварийной ситуации” для дикой природы, да и для человечества. А в таком случае, по логике самой статьи (“Исключения из правил”), мы вправе отказаться от строгих ограничений в питании. Так стоит ли “огород городить”?

Сделаем небольшой исторический экскурс.

Л.Н. Гумилев (2002) разделяет религиозные учения на две группы в зависимости от их отношения к природе:

“1. Человек признает себя частью природы, верхним звеном биоценоза – тогда он не противопоставляет себя животным, своим меньшим братьям, и, подобно им, убивает, чтобы поесть, или защитит себя, или отстаивать свое право на воспроизводство детей, а умирая, он отдает свое тело на съедение растениям и червям.

2. Человек противопоставляет себя природе, в которой он видит сферу страданий. При этом он обязан включить в отвергаемую им биосферу и свое собственное тело, от которого необходимо освободить “душу”, т. е. сознание. Пути для этого предлагались разные, но принцип был всегда один – отрицание мира как источника зла”.

Ко второй группе относились, например, манихейство, исмаилизм в Персии, европейские ответвления манихейства – катаризм (альбигойство) во Франции, богомилство в Болгарии, павликианство в Ви-

зантии. Как пишет Л.Н. Гумилев (2002), эти “религии света” образовывали антисистемы на стыках различных этносов и неминуемо оставляли после себя “трупы и объятое тьмой пепелище”. Учение манихеев сводилось к следующему:

“Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивая его собой. Зло мира – это мучение мира в тенетах материи; следовательно, все материальное – источник зла. А раз так, то зло – это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения душ предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднялась. Ведь если материя – зло, то любое истребление ее любой ценой – благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено” (Гумилев, 2002).

Против альбигойцев и подобных течений велась жестокая и беспощадная борьба. Инквизиция нашла здесь для себя огромное поле деятельности. Катары умели маскироваться, но выявить их оказалось не так уж сложно. По их верованиям, нельзя было убивать никаких теплокровных животных. Арестованному предлагали зарезать курицу. Если он отказывался это сделать – шел на костер. И еще раз слово Л.Н. Гумилеву (2002): *“Как людей их очень жалко. Они были честны, искренни, любознательны. В ужасное время кризиса католицизма, когда наглые прелаты получали кафедры как феодальные лены, а полу-*

грамотные священники не умели объяснить прихожанам элементарных основ христианской этики, эти люди искали непротиворечивого, логичного решения наиболее проблем, которые ставила перед ними действительность. Выводы, ими сделанные, были логически безупречны, но противоестественны. Поэтому-то здоровая интуиция средневековых французов взбунтовалась против логики". В плане нравственности католики были ничуть не лучше, но они хоть не шли против законов природы.

Из-за постоянных преследований манихейские общины были тайными, ложь стала стереотипом их поведения, ни о каких этических нормах речи не было. Стремление к победе добра привело в конечном итоге к еще большему торжеству зла. Важна не только цель, а и путь, по которому к ней идешь.

Первая инквизиция была организована именно для борьбы с катарами. Причем те принимали в ней самое деятельное участие. Множество людей были осуждены на сожжение по их ложным доносам. *"Катары широко использовали право на ложь, как-то было позволено их исповеданием, рекомендовавшим предательство для борьбы с материей"* (Гумилев, 2001). Самыми страшными инквизиторами были катары, перешедшие в католицизм.

Я не хочу ставить знак равенства между манихейством и философским учением вегетарианства, но общие черты есть. Прежде всего, это отрицание естественных законов материального мира.

Одно дело, когда человек просто ограничивает себя в питании по тем или иным причинам. И совсем другое, когда начинает исповедовать философию и тем более религию "гуманного" питания. Рано или поздно он начинает замечать, что весь мир вокруг него устроен "негуманно". Отсюда один шаг до желания его переделать. Так рождаются идеи "перевоспитания биосферы", "сотворчества с Богом" (Мухачев, 1997) и подобные им утопии. Д. Андреев (1997) погибает еще круче, предлагая всех

не поддающихся "перевоспитанию" уничтожить. Подобные концепции далеки от гуманизма и тем более от охраны природы (Грищенко, 2001).

Такие теории фактически враждебны жизни, какими бы высокими и гуманными идеями все не обставлялось. Это можно показать на примере джайнизма. Радикальные его сторонники отказываются от половой жизни, мотивируя это тем, что при эякуляции погибают миллионы сперматозоидов (Тобиас, 2002). Вообще-то они для того и созданы природой, это цель их существования – оплодотворить яйцеклетку и погибнуть. Причем, выполнить свою функцию имеет шанс лишь один из многих миллионов. Так устроен мир. Джайнисты же, чтобы предотвратить гибель сперматозоидов, просто не дают им рождаться. Как поется в известной песенке: *"Если вы не живете, то вам и не умирать"*. Вот и вся премудрость. Чтобы не нужно было убивать домашних животных – не следует их разводить. Не нужно вообще ничего выращивать, ведь рано или поздно придется собирать урожай, т. е. отнимать жизнь у живых существ. Более того, сам процесс выращивания неминуемо связан с уничтожением других живых организмов – приходится бороться с бурьянами и вредителями, иначе просто ничего не вырастет. Если последовательно придерживаться принципа "ахимсы", ничего этого делать нельзя. Вопрос о том, каким святым духом жить самим, оставим за кадром, сейчас более важно другое. Как уже говорилось, множество видов одомашненных животных и культурных растений будут обречены на вымирание, поскольку существовать без поддержки человека они не могут.

Л.Н. Гумилев (2001) иронизирует по поводу позиции катаров во Франции: *"Но если бы французы не резали кур, они бы их не разводили, а выгнали в лес, где кур переели бы совы и лисы. Курам стало бы, как видно, хуже, но ведь последовательная жизнеотрицающая система оценила бы это как достижение: еще один вид животных избавлен от ужаса жизни"*.

Далее. Биологический смысл жизни любого живого существа – оставить после себя потомство*. Отказ от размножения означает прекращение жизни. Если все человечество последует примеру джайнистских монахов и станет трогательно заботиться об избавлении от гибели своих сперматозоидов, оно вымрет уже в одном поколении. Боль, страдания, страх, смерть исчезнут, но вместе с самим человечеством. Я понимаю, что это самый радикальный путь сохранения дикой природы на Земле, но вряд ли у него будет много сторонников.

“Отрицание жизни маскируется заботой о ее спасении, – писал В.А. Кутырев (1999), – более того, “совершенствовании”. Как правило, это не лицемерие, а выражение объективного коварства, заложенного в диалектике реальности. Непосредственно к злу никто стремиться не хочет. Все делается во имя лучшего, во имя блага. Но зло так или иначе будет, поскольку оно является оборотной стороной развития. Субъективно оно обычно осуществляется в форме положительных намерений”.

Французский философ Жан Бодрийяр утверждает: *“С точки зрения морали мы полагаем, что чем больше в мире добра, тем меньше зла. Но это заблуждение, на самом деле, чем больше добра, тем больше и зла. Это даже не противоречие, это проблема, и проблема практически неразрешимая. Более того, если уничтожить все зло, то исчезнет и добро. А ведь уничтожение зла – болезней, несчастий, смерти – это как раз задача, которую ставит перед собой человеческая цивилизация. На самом же деле, уничтожая зло, мы уничтожаем ту энергию, за счет которой развиваемся. Мне кажется, что там, где нет ни добра, ни зла, там – ад”**.*

Жизнедеятельность человека связана с необходимостью периодических посеще-

ний туалета. Это может не нравиться чистюлям и святошам. Но, отрицая подобные естественные отправления, мы отрицаем саму возможность жить. Точно так же мы отрицаем жизнь, отрицая смерть. Они неразрывно связаны. Невозможно жить и не причиняя вреда хоть каким-нибудь другим живым существам. Даже если человек питается одними лишь плодами, он отбирает их у других организмов. Когда вы выбросили кусок червивого яблока, тем самым обрекли на гибель личинку плодовой гнили. Вырезали гниль – обидели поселившихся в яблоке грибов и бактерий. Наконец, яблоки с удовольствием поедают многие звери и птицы. Я уж не говорю о том, что лечение любых инфекционных заболеваний заключается в уничтожении вызывающих их микроорганизмов. Лучший способ избавиться окружающий мир от проблем, связанных со своим существованием, – не жить.

Иногда трудно сказать, где кончается чистая наивность и начинается лицемерие и сознательный обман. Джайнисты живут подаянием. Стремясь не замарать свои “белые одежды”, они попросту переключают грязную работу на других. Растения вырашивают и убивают для них окрестные крестьяне. То есть природе в целом от их “благочестия” ни жарко ни холодно. Не стоит чересчур восхищаться и принципом “ахимсы”. Он биоцентричен, а не эоцентричен, и при определенных обстоятельствах может быть препятствием в деле охраны дикой природы (Грищенко, 2000).

Изначальная слабость теорий “гуманного” преобразования биосферы в том, что в них логика организменного уровня выдается за высшую премудрость. Любой индивидуум хотел бы жить подольше и по-лучше, избежать боли и страданий, оставить потомство и т. д. Однако природе нужны регуляторные механизмы, чтобы особи, популяции, сообщества не выходили за отведенные им “рамки”. Таковую регуляцию и обеспечивают хищники, паразиты, болезни, ограниченность доступных ресурсов и т. п. Вообще, надежной этической платформой охраны дикой природы может быть

*Есть организмы, которые не размножаются, как рабочие пчелы, но их функция – обеспечить возможность размножения другими особями.

** “Факты”. 12.06.2002. № 105. С. 10.

только эгоцентризм, что прекрасно показал М. Горке (2002). Только он рассматривает системы надорганизменного уровня как моральные объекты.

Есть возражения и с общетеоретических позиций. Жизнь работает против энтропии. Она производит порядок из хаоса, неуклонно повышая сложность и организованность живых систем. Концепции же “гуманного” переустройства биосферы идут против линии жизни. Они призывают к упрощению экосистем, ликвидации таких экологических отношений как хищничество и паразитизм. По сути, речь идет об окончательном превращении сложной и многообразной биосферы в “приусадебный участок” человека, где будут обитать одомашненные животные и культурные растения, и где можно будет устанавливать порядок и справедливость по своему усмотрению – чтобы всем курам хватило еды, и более сильные не отнимали ее у слабых, чтобы кот не хватал цыплят и т. д. Именно к этому ведет “просветление мировых законов”, за что ратует Д. Андреев в “Розе мира”.

Давайте отдавать себе отчет в том, что любое преобразование биосферы или ее части на “гуманных” принципах идет через уничтожение дикости природы и окультуривание ее.

Повышение разнообразия можно считать универсальным законом Вселенной. Сразу после Большого Взрыва мир состоял из ограниченного числа элементарных частиц. После этого возникли атомы элементов, химические соединения, а за миллиарды лет эволюции – невообразимое многообразие структур от космической пыли до галактик, квазаров, черных дыр и т. п. Жизнь также внесла свою лепту в увеличение разнообразия. И человек грешит против космических законов, когда уменьшает его – истребляет виды животных и растений, упрощает экосистемы, преобразует ландшафты в удобные для себя формы – вырубают, распахивают, осушают, орошают и т. д. В этом космический смысл сохранения биоразнообразия. А экологические отношения являются его неотъемлемой частью.

Франсуа Жакоб, французский микробиолог, лауреат Нобелевской премии, писал: *“Я не нахожу природу столь прямолинейной и рациональной. Что меня изумляет – это не ее элегантность и совершенство, но скорее ее состояние: она такова, как она есть, и никакая другая. Я представляю природу в виде хорошенькой девушки. Благородной, но не совсем опрятной. Немного взбалмошной. Немного беспомощной в работе. Делаящей то, что она может, тем, что находится у нее под рукой. Отсюда исходит моя готовность к самым непредсказуемым ситуациям”* (цит. по: Гиляров, 2002). Давайте же принимать природу такой, какой она есть, не пытайтесь подменить реальный мир своими убогими фантазиями. Нужно быть готовым и к ее “взбалмошности” и “непредсказуемым ситуациям”. И давайте, наконец, научимся отличать реальные природоохранные концепции от утопических учений о спасении мира.

Литература

- Андреев Д. (1997): Отношение к царству живому. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 140-156.
- Гаташ В. (2002): Благослови зверей и людей... - Знание – сила. 4: 79-85.
- Гиляров А.М. (2002): Сложный, но познаваемый генотип. - Природа. 2: 86-89.
- Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 101-108.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Гумилев Л.Н. (2001): Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 1-560.
- Гумилев Л.Н. (2002): Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ. 1-839.
- Коммонер Б. (1974): Замыкающийся круг. Природа, человек, технология. Л.: Гидрометеоиздат. 1-280.
- Кутырев В.А. (1999): Утопическое и реальное в учении о разуме. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 67-76.
- Мухачев С. (1997): Уравнение глобальной этики как исток безнравственности. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна-6”. Киев. 174-181.
- Тобиас М. (2002): Джайнизм и экология. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 108-111.